

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КАПИЦА, СЫН ВЕЛИКОГО

Виктор Слипечук

здравствуют понине. Об этом наш рассказ, начатый в предыдущем номере. Сегодня мы публикуем его окончание.

Отец

Дача у Андрея Петровича по тем временам, да и нынешним, была замечательной. Конечно, она уступала по величине тем двум, которые мы только что посмотрели, зато, несомненно, превосходила их по величии своей принадлежности. К тому же Андрей Петрович построил её сам. Высокая, просторная; отовсюду можно было пройти в центральный круговой зал, в котором не было потолка — лишь четыре скрепляющихся бруса — далеко вверх обозначалась крыша. Я заметил, что тут можно устанавливать маятник Фуко.

Андрей Петрович, усмехнувшись, возразил:

— Для повторения опыта Фуко нужны высота 67 метров и гиря в 28 килограммов. Кстати, все, кто литераторы по складу своего ума, предлагают мне установить маятник Фуко.

Он весело заявил, что вскоре приступит к опытам, будет приглашать в зал молодых литераторов и по их реакции на потолок определять — они настоящие или, не имея на то никаких данных, только мнят себя таковыми.

В ответ я засмеялся, потому что воспринял его шутку как комплимент. А когда он, всё ещё находясь в весёлом расположении духа, пригласил меня в комнату, на торцовой стене которой красовались изречения-автографы знаменитых поэтов, и сказал: «Виктор, теперь ты просто обязан оставить здесь свой экспромт», — я впервые почувствовал не только уверенность в себе, но и свою литературную значимость.

Автографов было много. В память врезались имена: Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский...

— Пиши что хочешь, — подбодрил Андрей Петрович.

Позвала Евгения Александровна, сообщила, что ужин готов. Нас ждёт сухое вино, водка, виски, корейский салат, отваренная спаржа с телятиной, а на десерт она что-нибудь придумает. Я обрадовался, пообещал Андрею Петровичу написать экспромт в другой раз.

В ванной, над краном, поверх зеркала висела остроумная надпись, очевидно придуманная самим хозяином дачи: «Надо очень чисто мыться, / Даже если ты Капица».

Мы сидели за столом, на улице неожиданно быстро потемнело.

Виктор Трифонович СЛИПЕНЧУК постоянным читателям «АН» известен хорошо. Замечательный писатель и поэт, наш постоянный автор и друг редакции. Про таких говорят — мудрец. На своём богатом на события жизненном пути он встречал множество интересных людей. Сегодня, накануне 85-летия великого учёного Андрея Петровича Капицы, Виктор Трифонович рассказывает о своих с ним встречах.

Знаменитого советского и российского географа, декана географического факультета МГУ нет с нами уже пять лет. Но дела его живут и наш рассказ, начатый в предыдущем номере. Сегодня мы публикуем его окончание.

Евгения Александровна включила свет на всей территории дачи. Андрей Петрович пошёл к телефону, а где-то в стороне прокричала сова. Крик совы, тишина — и внезапный оглушающий раскат грома. Андрей Петрович крикнул, что сработали разрядники громотводов. Потом опять тишина и скрип неторопливых шагов на песке. Я оглянулся на открытую входную дверь и увидел в глубине пожилого человека, идущего к нам.

Пожилой человек был в парусиновом костюме не первой свежести, несколько мешковатом для его прямой худощавой фигуры. Я подумал, что это управляющий ЖКО.

— Пётр Леонидович, это Виктор из Барнаула, — представила Евгения Александровна.

— Да, папа, я тебе о нём рассказывал, — сказал Андрей Петрович, садясь за стол.

Пётр Леонидович сел с ним рядом, напротив меня и спросил о цели приезда в Москву.

— Сдавал экзамен во ВГИК, на сценарный.

— Что требовалось?

— Требовалось сочинить рассказ. Написал на полторы странички — «Падение». Об аресте и содержании «моего героя» в КПЗ. Главным было — выявить характер, а характер лучше всего проявляется в экстремальной ситуации.

Пётр Леонидович одобрительно кивнул:

— Да, это так. И как оценили?

— Профессор Фигуровский поставил отлично, он набирал в свою мастерскую, но экзаменационная комиссия встала на дыбы, мол, несущая грязь в советский кинематограф.

— Некоторые крупные деятели утверждают, что если ты не член КПСС, то не сможешь правильно оценить результаты научного эксперимента.

Он весело взглянул на меня из-под топорщащихся бровей. Мы все на какое-то время замолчали, потом Андрей Петрович попросил меня почитать стихи. Я читал с удовольствием, но хуже, чем обычно. Волновался. За окном ревели гроза, иногда раскаты грома были так сильны, что заглашали мой голос, и я вынужден был некоторые строфы кричать. Закрывали дверь.

Прочитал стихи «Сидел я на обочине дороги...» — о Кулунде, «Человека пытали в застенках советских...», «Комсомолу», «Баба-Яга», «Сказка» — в общем, те, что

Учёные. Первая комплексная антарктическая экспедиция (1956). Третий слева — А.П. Капица

мы в своей среде поэтов называем честными.

После чтения «Сказки» он посоветовал отнести её режиссёру Театра на Таганке Любимову.

— Вы там бывали? Любимов с удовольствием ставит подобные вещи.

В Театре на Таганке я никогда не был, хотя трижды пытался достать билеты, но тщетно. Решили, что завтра же схожу, — Андрей Петрович пообещал помочь с билетами.

Разговор был непринуждённым, и, перестав смущаться, спросил: — Пётр Леонидович, вы встречались с Маяковским?

— Нет, — он покачал головой.

— А с Есениным?

Он посмотрел на меня прямо и удивлённо, словно на марсианина.

— Вы никогда не увлекались поэзией?

— Не помню. Нет, не увлекался, — сказал он озабоченно и прислушался к шуму ливня.

— И сами никогда не писали?

— Не писал. Хотя — нет, одно написал.

Он оживился.

— В студенчестве, рядом с нами находилось медучилище, я помню стихотворение, потому что жена запомнила. «Люблю медичек, / Весёлых птичек! / Умная птица — / Пётр Капица!»

Стало весело, от его озабоченности не осталось и следа.

— В тридцатые годы вы много говорили о поэзии?

— Не знаю. Я тогда жил в Англии, а английской поэзией интересовался от случая к случаю. Вот Бориса Пастернака знал хорошо, он у меня часто бывал. Остроумный! С ним всегда было весело. Маршак знал. Дружил с ним. Он научил меня писать пьесы.

Предчувствуя необычную историю о «физиках и лириках», я спросил:

— И вы могли бы прямо сейчас написать хотя бы одно короткое действие?

— Почему одно — всю пьесу!

Из-под топорщащихся бровей глаза Петра Леонидовича лучились неиссякаемым задором. Пожилого человека не было, был молодой экспериментатор, решивший поделиться своим гениальным открытием.

— Дайте газету «Правда».

Андрей Петрович быстро встал из-за стола и, как водится и по-

ныне в русских добропорядочных семьях, не задумываясь, пошёл исполнять родительское поручение. В проёме в зал остановился.

— Папа, «Правду» за какое число?

— А это всё равно!

Пётр Леонидович не торопясь взял газету и установил указательный палец на первом абзаце передовицы.

— Иван Иванович! «В целях совершенствования системы оплаты труда работников сельского хозяйства и повышения заинтересованности рабочих и специалистов в росте общественного производства в действующую систему оплаты труда в совхозах и других государственных предприятиях сельского хозяйства внесены изменения и дополнения».

— И как же теперь, Иван Спиридонович?

— Как?! «Установлено, что оплата труда рабочих бригад (звеньев) в растениеводстве может производиться по сдельно-премиальной системе за выполненный объём работ и полученную продукцию».

Он засмеялся:

— И так далее и так далее — конец. Занавес!

Сатиря на нас, пишущую братию, попала в яблочко, в самую мякоть.

Гроза ещё бушевала. Иногда молнии пролетали вблизи, и тогда их бледно-голубой свет, упав на окна, наполнял комнату причудливым вибрирующим сиянием. В такие мгновения комната казалась кают-компанией корабля, идущего сквозь шторм.

Пётр Леонидович засобирился. — Вы не боитесь грозы? — Мне хотелось, чтобы он ещё посидел с нами.

Пётр Леонидович посмотрел на меня и ничего не ответил. Это были глаза человека, озабоченного неотложными делами. Андрей Петрович достал свой плащ, Евгения Александровна помогла Петру Леонидовичу надеть его. Пётр Леонидович достал из кармана берет, надвинул на лоб и за руку попрощался со всеми. Уходя, оглянулся. За окном, словно хищная птица, упала молния.

— Может, надо было проводить — гроза? — сказал я, ни к кому не обращаясь.

— Он этого не любит, и здесь рядом, — ответил Андрей Петрович.

Евгения Александровна улыбнулась:

— Виктор, не беспокойтесь — молнии он сам создаёт в своей лаборатории.

Предназначенное расставанье...

Утром следующего дня мы поехали в Москву. «Волгу» вёл Андрей Петрович, чувствовалась грамотная рука водителя. Готовый беседовать на любые темы, я высказал мысль, что наша планета Земля — живая. И как бы в подтверждение прочитал строфу из стихотворения Николая Рубцова: «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь». Андрей Петрович среагировал мгновенно и, как показалось, чересчур жёстко:

— Если Земля живая — пусть сама себя и воспроизводит!

Его суждение поразило логичностью. Очень остро ощутил, что мы с ним люди абсолютно разные. Беседовать расхотелось. Всю дорогу молчал. И только на свёртке в сторону Сталинской дачи, когда Евгения Александровна попросила Андрея Петровича рассказать о ней, подал голос — спросил:

— Сейчас кто-нибудь там живёт?

Оказывается, никто не живёт. Со слов очевидца, работавшего там в одной из комиссий, Евгения Александровна рассказала, что подступы к даче бетонированы. Окна ограждены массивными козырьками — даже веранда обнесена железобетоном.

— Уму непостижимо, человек сам себя запер в каменный мешок! Впрочем, находились люди из его окружения, которые искусно разжигали в нём манию подозрительности, развивали шизофрению.

После этих слов на душе стало и вовсе нехорошо, и до самой Москвы не проронил ни слова.

Квартира Андрея Петровича Капицы находилась в левой профессорской башне МГУ, на десятом этаже. Мы вошли в неё вдвоём, Евгения Александровна попрощалась со мной возле машины. Спешила на работу в Архитектурный институт.

Андрей Петрович сразу же взялся за чтение свежих газет. Их было много — несколько больших кип, занимавших весь журнальный столик. Со стороны казалось, что он их просматривает. Нет — он владел беглым чтением. Откла-

ВЕЛИКИЙ ГЕОГРАФ, ФИЗИКА

дывая очередную газету в сторону и разворачивая другую, сказал, чтобы я прогулялся по квартире — осмотрелся. Я насчитал **не менее семи комнат**. По моим сегодняшним понятиям, это была квартира **олигарха науки**.

В просторной прихожей и кабинете — стеллажи книг в основном по географии. Труды английских и американских авторов на языке оригинала — изданные в Англии. В переводе на русский — монографии французских, польских, чешских учёных. На стеллажах открытых, как бы парящих вдоль стен, стояли статуэтки всевозможных божков из Африки. Очевидно, из мест, где побывал Андрей Петрович. В других комнатах на стенах висели: лук и колчан, наполненный стрелами; острые сверкающие наконечники для копий; шкура зебры и неведомые мне музыкальные инструменты.

Изобилием и яркостью красок привлекали маски и картины африканских художников. Особенно картины, в которых нарушение перспективы казалось просто ужасным. Волны вблизи маленькие, а вдали, у берега, огромные — больше хаотично разбросанных хижин.

Позже, находясь на ремонте судна в Сингапуре, понял, что виной всему не художники, а экваториальное солнце. В полдень, когда оно стоит прямо над головой, тень, словно изнывая от жары, прячется под подошвами и предметы вокруг кажутся маленькими. А на расстоянии угол зрения меняется, тени словно выплывают наружу и предметы как бы увеличиваются в объёме.

Никакой лишней мебели не заметил. И в то же время ничего музейного — **жилая квартира**. Думаю, в обустройстве интерьера, размещении чёрных одноруких божков, кричащих африканских масок, то есть трофеев путешественника, роль Евгении Александровны, как специалиста по дизайну, была главной. Что из того, что мозг Андрея Петровича всё схватывает на лету и, буквально как фантастическая машина, перерабатывает информацию?! Что из того, что его ответы всегда правильны, безошибочны и неоспоримы?! Мне почему-то ближе люди ошибающиеся, делающие неверные шаги и набивающие на лбу шишки и всё же, конечно, несмотря ни на что не сдающиеся. Вдруг почувствовал, что я в какой-то необъяснимой претензии к Андрею Петровичу. За что?!

Спустя час мы уже были на семнадцатом этаже МГУ, в его рабочем кабинете. Массивные кресла, обтянутые кожей и зачехлённые белой парусиной, стол, сейф, шкаф — всё из той, сталинской, эпохи. Мы сели в кресла, я закурил.

Андрей Петрович спросил о планах на будущее. Я сказал, что поступать во ВГИК, во всяком случае на сценариста, не буду. Профессор Фигуровский подарил мне сброшюрованный журнал своих лекций и сказал, что учить меня нечему.

— Перестраховывается, — уверенно заключил Андрей Петрович.

— Не знаю, — сказал я. — В любом случае буду писать стихи, рассказы. Хочу поехать в родные края,

в Приморье. Может, устроюсь на какое-нибудь рыболовное судно матросом. Моя Галя отпускает меня на полгода, на один рейс.

Андрей Петрович оживился:

— А я тоже в октябре буду на Дальнем Востоке.

Он достал **проект приказа Президиума Верховного Совета**, и я прочёл, что с первого октября 1970 года Андрей Петрович Капица назначается руководителем строительства академического городка. Дальневосточная академия будет объединять все биологические институты Владивостока, Хабаровска, Магадана — в общем, все институты Дальнего Востока СССР.

И я опять подумал о его завистниках и недоброжелателях. О его необычайной проницательности и таланте всё схватывать быстро и реалистично. О его умении предъявлять аргументы простые и в то же время неопровержимые по своей логике.

Я встал и, твёрдо перейдя на «ты», сказал:

— Андрей Петрович, ты справишься! Но знай — люди у нас пришлые, ищущие счастья и чужому счастью завидующие. Но есть и настоящие первопроходцы — коммунисты.

Я понимал, что говорю приподнято и, может быть, некстати и не о том, но решил высказаться по сердцу и до конца. Меня не волновало, что он подумает, я весь был в **Слове**.

— Мы разные и по возрасту, и по жизни, но, если я буду там и понадобится, можешь положиться на меня — не подведу. А пока запиши адрес родителей, они в Приморье, в Черниговке.

— Конечно, Виктор!

Андрей Петрович одобрительно взглянул на меня, быстро встал и, подойдя к столу, записал адрес.

— Мои родители с 1906 года, переселенцы из Киевской области, колхозники. В 1931 году отец вступил в кандидаты, а в партию его приняли только в 1937 году — семь лет проходил в кандидатах. Как члена партии, направили на курсы трактористов. С рассвета и до поздней ночи пахал в прямом и переносном смысле. Меня ещё не было, а сёстры и братья уже были — пятеро. Из трактористов отец стал председателем колхоза.

Андрей Петрович переспросил:

— В каком году приняли в партию, в тридцать седьмом?

Неожиданно остро кольнуло, что всё, что говорю, ему не нужно. У него **другие** ассоциации. Хотя интеллигенция и народ у нас едины, но их жизни-то практически несовместимы.

Вошла секретарша.

— Андрей Петрович, вас соединить со всеми звонками? Что у вас сегодня?

— Сегодня разговор с **Алексеем Николаевичем Косыгиным** и **Келдышем**. И ещё, будьте добры, позвоните в Театр на Таганке Любимову.

Секретарша ушла, и он спросил:

— Виктор, ты что-то хотел сказать?

— Вообще, одно — отец мой настоящий **коммунист**, искренне верит в светлое будущее и в критической ситуации не побоится взять ответственность на себя. А за своих колхозников так и смертью ляжет.

Мы условились, что в 16:00 я позвоню ему и с целью ознакомления с Москвой мы выработаем маршруты, наиболее приемлемые для меня. Театр на Таганке отсутствовал, уехал на гастроли. И Андрей Петрович сказал, что на эту тему мы поговорим вечером.

В 16:00 я звонить не стал. Галя настоятельно звала домой, да и гостеприимством в нашей семье учили дорожить. Помню, что, расставаясь, мы взаимно крепко пожали руки. О чём он думал, не знаю, но глаза его были весёлыми и добрыми, такими же как в Барнауле, когда, прощаясь, мы обнялись.

Вместо эпилога

В мае 1971 года я отвёз Галу и шестилетнего сына Мишу в город **Тару** Омской области. В небольшой избёнке, завалюхе, по окна вросшей в землю, нас ждала её мама, **Маримьяна Павловна**. Отца Гали, **Михаила Алексеевича Южанина**, репрессированного кулака из соседнего района Большие Уки, впоследствии реабилитированного, в живых уже не было. Уйдя в декретный отпуск, Галя отпустила меня в моря.

Из местных газет узнал, что какое-то судно, кажется «Витязь», передаётся Дальневосточной академии, которую возглавляет член-корреспондент АН СССР Андрей Петрович Капица, но даже и беглой мысли не возникло обратиться к нему.

Прежде чем устроился матросом, целый месяц разгружал и грузил «гофтару» для упаковки свежемороженой рыбы. Спал где придётся, денег не было. Из тех дней запомнилась строфа, залетевшая в голову откуда-то извне: «Я по перрону брёл устало, / Нарник бич ушёл в загул. / Владивостокского вокзала / Босяк какой-то подмигнул». Вот это вот «босяк» меня успокаивало — чтобы стать писателем, **Максим Горький** тоже в своё время босячил.

Первый мой рейс длился почти восемь месяцев. Прошёл всё, что можно было пройти на БМРТ «50 лет ВЛКСМ», — от матроса фабрики и палубы до матроса руля. Когда первый помощник капитана ушёл в отпуск, был избран секретарём парторганизации судна и в следующий рейс, после двух месяцев стоянки в порту, ушёл первым помощником капитана.

Второй рейс на БМРТ «Надеждинск» был особенно удачным.

Перевыполнили все планы по добыче рыбы, и нас, как победителей социалистического соревнования, встречали у пирса с духовым оркестром. Меня направили на курсы повышения квалификации в совпартшколу при крайком КПСС, чтобы я занимал должность первого помощника капитана не только как политически необразованный выдвиженец из матросских низов, а как полноценный, рекомендованный партийной помполит.

Теперь в рейс меня обязательно провожали Галя и двухлетняя Наташенька, родившаяся, когда я уже был в морях. Впрочем, на стоянке в порту я и сам частенько мотался в Барнаул на самолётах «Аэрофлота». В одну из таких поездок по просьбе **Александра Сергеевича Трескова**, взявшегося редактировать мою рукопись, привёз ему акульки зубы. Он обрадовался, сказал, что они определённо понадобятся.

В марте 1973 года он вызвал меня. Я побаивался — опять какие-нибудь требования «сверху». Но — нет, Александр Сергеевич был приветлив и радостен. Вручая авторские экземпляры книжки «Освещённый минутой», самодовольно сказал:

— Акульки зубы очень даже пригодились. Всё, что ты хотел, включая авторские экземпляры книжки «Освещённый минутой», самодовольно сказал:

Я раскрыл книжку. Раздел «Рассказы» предваряла надпись: «**Мои друзьям Е.А. и А.П. посвящаю**». Что значило — Евгений Александровне и Андрею Петровичу.

— Будешь дарить книжку Капицам, обязательно скажи: Александр Сергеевич Тресков своих слов на ветер не бросает. — Помолчал, отделяя паузой вышесказанное. — Ты пишешь по-своему — чересчур кратко. Кратко — до корявости. Так, что и поправить толком невозможно. Но у тебя всюду есть крупные золотые зёрна.

— Это тоже сказать?

Александр Сергеевич усмехнулся:

— Скажи!.. Только — это тебе говорю, а он может и не понять. У него мозги учёного, а у тебя — другие. Ты наш, советский, а он родился в Англии.

На встрече с Капицами сказал всё, как просил он, редактор моей первой книжки. О краткости, граничащей с корявостью, и золотых зёрнах в своей ранней прозе ничего не говорил. И, как оказалось, к стати.

Мне очень хорошо запомнилась эта встреча. Я к тому времени справил морскую форму первого помощника капитана — тёмно-синий китель с галунами и сверкающими металлическими пуговицами с якорями. Моя фуражка с накладной кокардой и тиснённым на ней золочёным якорем очень шла мне. На меня завистливо оглядывались на «Владивостокском Бродвее». Тогда я готовился принять СБМРТ «Давыдов» и идти на ремонт в Сингапур. А после — промышлять рыбу нототению в Южном полушарии, у островов Кергелен. Такое счастье не каждому рыбаку выпадает, а мне выпало — первая книжка и первый заграничный рейс на визированном судне.

Дверь открыли дети Андрея Петровича Аня и Надя. Увидели меня и обомлели, потеряв дар речи. Наконец пришли в себя: «Мама, папа! Виктор Трифонович пришёл!» Глаза восторженно светятся, они таким красивым меня не видели. Мама и папа их не услышали. Я приказал никого не звать, сейчас вместе войдём. Благо у Капиц было правилом, что в Москве, что во Владивостоке, не снимать обуви.

Вошли. Прямо-таки явление Христа народу, в гостиниой было человек десять. Приехали гости из Москвы: будущий учёный секретарь и с ним ещё несколько человек, вызванные на работу в Дальневосточную академию. Понимая, что в этой профессиональной среде скоро уйду на задний план, решил воспользоваться своим внезапным появлением. Сделал вид, что я всегда такой. Дети помогли, стояли рядом, невольно взяв на себя часть общего удивления.

Не торопясь достал книжку, Надя нетерпеливо дёрнула меня за китель. Андрей Петрович воспользовался моей медлительностью, объявил:

— Это мой друг — Виктор Слипечук, состоявшийся поэт! — Пояснил: — Мы познакомились в Барнауле, сошлись в оценке гениальной повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». А в позапрошлом году мы с Женей представили его моему отцу. Он читал нам свои прекрасные стихи.

И с некоторой нарочитой гордостью, соответствующей моменту, как бы спросил:

— А теперь видите, какой он?!

Я и раньше замечал за Андреем Петровичем очень редкое в наше время качество — умение пусть шуточно, но весьма к месту гордиться своими знакомыми.

Дети засмеялись, все весело оживились. Евгения Александровна призвала детей идти к себе. Обстановка разрядилась.

Книжку я раскрыл на разделе «Рассказы». И точно по тексту с выражением прочитал посвящение.

Книжку вручил Евгению Александровне. Андрей Петрович, увидев, что я оглянулся на зеркало, шуточно заметил:

— Женя, по-моему, он рад не столько своей первой книге, сколько своему морскому кителю.

В ответ все опять заулыбались.

Эта наша встреча во Владивостоке была последней. У меня тогда всё сложилось благополучно, ушёл в рейс, а после — уволился. Моё понимание жизни писателя требовало новой смены профессии.

Позвонил Андрею Петровичу Капице спустя семь лет. Мой сын оканчивал барнаульскую среднюю школу и мечтал стать учёным-пушечником.

Сегодня мой сын депутат ГД РФ, профессор МГУ, возглавляет кафедру рационального природопользования, основанную Андреем Петровичем. Жизнь великой династии русских учёных Капиц продолжается теперь в учениках. И это справедливо, несмотря на все несправедливости нашей бытострекующей жизни.

Виктор СЛИПЕНЧУК,
Крым, пгт Черноморское,
19.06.2016

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru